

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ НЕ ДЛЯ ЯЗЫКА, НО ДЛЯ ИСТОРИИ

Сергей Фокин в статье «Перевод как незадача русской философии» сетует на то, что русская философская традиция не имеет своей полноценной философии языка. В виду имеется, конечно, философская традиция, потому как современная философия в России довольно часто обращается к вопросам языка, перевода и текста, хотя и происходит это, надо признать, совсем не «по-русски», чаще с опорой на заимствованные теории. Самое удивительное, что сама идея сделать язык объектом философского анализа также не русская. В этом смысле «незадача» означает не затруднение, а отсутствие интереса к языку как проблеме в отечественной философии.

Существует и некоторый «внутренний тормоз», препятствующий развитию интереса философов к изучению языка: «красный свет» дает сама русская классическая философская традиция, тяготеющая, как известно, к литературоцентризму, свойственному русской культуре. Справедливости ради нужно добавить, что она не только тяготеет, но и возникает из литературы. Возможно, как раз её «тяготение» к этой традиции – это показатель стремления вернуться в своё естественное состояние, которому как бы противоречат системность и академичность. То есть философия в России – это форма творческого освоения действительности, а логика и системность, к которым неизбежно стремится любая философия языка, могут ей только навредить. «Бахтин, упрекавший русских философов в том, что они игнорируют основную особенность Достоевского – полифонизм, признавал, что его собственный язык не подходит для философского осмысления Достоевского, т.к. он переводит на язык отвлеченного мировоззрения то, что было предметом конкретного и живого художественного видения и стало принципом формы, а такой перевод всегда неадекватен»¹.

Тем не менее, те черты, которые препятствуют возникновению русской философии языка, вполне удовлетворяют задаче создания философии истории. Уникальный во многом метод письма русской классической философии – сам язык – располагает к философствованию, избирая объектом размышления историю. С одной стороны, ее стиль предполагает изложение от первого лица (я, мы), что в целом соответствует взглядам В. Дильтея на историю, в которой мыслитель участвует лично: не стоя на баррикадах, но сопереживая, со-мысля. Если точнее, то «единство человеческой самости и мира – это не статическое сцепление и не просто приспособление индивида к своему окружающему миру, а тонко дифференцированное динамическое

¹ Коробов-Латынцев А. Русский философский язык [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/russkiy-filosofskiy-yazyk> (даты обращения: 07.05.2014, 17.03.2014).

отношение, в рамках которого действительность постигается когнитивно, оценивается чувством и регулируется и изменяется посредством воли»². Свойственная философии некабинетность (если не буквальная, то идейная) ведет еще и к тому, что А. Коробов назвал «несоблюдением эстетической дистанции от жизни». Ссылаясь на Ф. Гиренка, он далее пишет: «Русские философы не шутят. Для того, чтобы была ирония и шутка, нужен зазор между порядком речи и порядком быта. Чтобы ты пошутил, а тихая повседневность этой шутки не заметила. Чтобы все её содержание ушло в зазор. Как в трубу. А когда этого зазора нет, то шутки в сторону. Иначе мир перевернется. Ты пошутил. И вот мир – как тигр, выпущенный из клетки. И ты с ним один на один. И кто кого. А положиться не на кого. Этим противостоянием рождается дискурс русской философии. То есть ты – в опасности. Тебе не до эстетики. И не до метафизики внешнего наблюдения»³.

С другой же стороны, в тех случаях, когда допускается безличное философствование, проявляется позиция, допускающая саму философию к повествованию, т.е. сам язык; философия говорит об истории. Это, безусловно, иллюзия, но настолько действенная методологически, что отказываться от неё сложно. Вот что писал в дневнике Л. Толстой: «Возьмитесь разумом за религию, за христианство, и ничего не останется, останется разум, а религия выскользнет с своими неразумными противоречиями. То же с любовью, с поэзией, с историей. – Но если я понимаю недостаточность моего разума для постигновения сущности, то чем же я понимаю то, что есть сама сущность с своими законами? Чем? Сознанием себя – части непостижимого целого. Признанием Бога»⁴.

Ещё одна характерная для русской философии особенность, к которой все реже и как-то нехотя возвращаются современные философы. Жизнь русского философа идет в постоянном присутствии Бога. И это не от святости философа, но от его человечности. Именно присутствие, а не признание или знание о Боге позволяют философу ощущать себя частью целого, истории. Это значит понимать сотворение мира, Платона, Аристотеля, средневековье и т.д. как реальность, за которой последовала наша жизнь и которая продолжится после того, как мы уйдем.

Полюбивши всем сердцем диалог культур, а значит и разных философий, я не стану настаивать на «особом пути России» или необходимости возрождения национальной философии, чтобы избежать философского монологизма.

² Роді Ф. Жизненні корні гуманітарних наук. По поводу отношения «психологии» и «герменевтики» в позднем творчестве Дильтея // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. – М.: Три квадрата, 2002. – С. 19.

³ Коробов-Латынцев А. Цит. соч.

⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. – Т. 52. – С. 122.